

DOI 10.37386/2305-4077-2021-3-239-245

Р. Р. Ахунова¹*Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы, аспирант кафедры русской литературы*

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ БИБЛЕЙСКИХ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В ЛИРИКЕ А. А. АХМАТОВОЙ

В статье, посвященной анализу библейских женских образов в лирике Анны Ахматовой, рассматриваются особенности их художественной трактовки в цикле «Библейские стихи». В фокусе исследования находятся значимые для ахматовского творчества ветхозаветные образы Лотовой жены, Рахиль, Мелхолы. Их особенности обусловлены историческим и автобиографическим контекстом творчества поэтессы. Пережив гражданскую войну и революцию, она, как и многие поэты Серебряного века, соотнесла их, во-первых, с событиями, описанными в «вечной книге человечества», во-вторых, пропустила их через призму собственных переживаний, что позволяет говорить о гендерном аспекте ее рецепции библейских женских образов. Об этом свидетельствует архитектура цикла и авторская переакцентировка в передаче библейских сюжетов и образов, по сути оспаривающая библейскую интерпретацию.

Ключевые слова: Анна Ахматова, Библия, Лотова жена, Рахиль, Мелхола

R. R. Akhunova*Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla,
postgraduate student of the Russian Literature Department*

FEATURES OF INTERPRETATION OF BIBLICAL FEMALE IMAGES IN LYRICS BY ANNA AKHMATOVA

The article deals with the analysis of biblical female characters in Anna Akhmatov's works and examines the features of their artistic interpretation in the cycle of Biblical Poems. The focus of the study is the Old Testament images of Lot's wife, Rachel, Michola, which are significant for Akhmatov's creativity. Their special aspects are conditioned by historical and autobiographical context of the poetess's work. Having got through the civil war and revolution like many poets of the Silver Age, she correlated them, firstly, with the events described in the human eternal book, secondly, she passed them through the prism of her own experiences, which allows us to talk about the gender dimension of her reception of biblical female characters. This is evidenced by the architectonics of the cycle and the author's re-emphasis in the transmission of biblical plots and characters that essentially disputes the biblical interpretation.

Key words: Anna Akhmatova, Biblical, Lot's wife, Rachel, Melkhola

«Ахматова и Библия» – тема достаточно традиционная, тем не менее, некоторые современные исследователи справедливо отмечают, что «... в последние годы в связи с публикациями главным образом мемуарного характера в вопросах «поэт и религия», «Ахматова и её религиозность» стала возникать некоторая двусмысленность» [Снигирёва, 2011, с. 107].

¹ Рина Рушановна Ахунова, аспирантка БГПУ им.М. Акмуллы.

На наш взгляд, эта «религиозная двусмысленность» в отношении Ахматовой связана с неоднозначной трактовкой библейских образов, поскольку в лирике поэтессы практически нет их ортодоксального истолкования, хотя, конечно, Ахматова обладала христианским мироощущением: она с детства воспитывалась в религиозной семье, посещала церковь, великолепно знала и свободно цитировала Ветхий и Новый Заветы, что подтверждается рядом мемуарных свидетельств. Достаточно вспомнить слова И. Бродского: «В те времена я был абсолютный дикарь, дикарь во всех отношениях – в культурном, духовном, я думаю, что если мне и привились некоторые элементы христианской психологии, то произошло это благодаря ей, её разговорам, скажем, на темы религиозного существования. Просто то, что эта женщина простила врагам своим, было самым лучшим уроком для человека молодого, вроде вашего покорного слуги, уроком того, что является сущностью христианства» [Бродский, 2000, с. 704].

Обращение к Библии – естественный и продуктивный факт творческой биографии Ахматовой. В ее произведениях немало библейских образов, причем к Ветхому Завету она обращается чаще, нежели к Евангелиям. Упоминаний о Рахили, жене Лота, Мелхоло, Юдифи в ее текстах гораздо больше по сравнению с именами Христа и Марии. Трактовка библейских образов у Ахматовой отличается рядом особенностей, обусловленных сопряжением исторического, христианского и автобиографического контекстов ее творчества. Пережив гражданскую войну и революцию, она, как и многие поэты Серебряного века, соотнесла их, во-первых, с событиями, описанными в «вечной книге человечества», во-вторых, пропустила их через призму собственных переживаний, что позволяет говорить о гендерном аспекте ее рецепции библейских женских образов. В неоднозначной трактовке они представлены в небольшом цикле «Библейские стихи». Над ним Ахматова с перерывами работала длительное время (с 1921 по 1961 гг.). Библейские сюжеты и образы, составившие основу цикла, выбраны ею далеко не случайно.

По мнению Г. П. Козубовской и Е. В. Малышевой, «...цикл “Библейские стихи” представляет собой интерпретацию некоторых библейских сюжетов при максимальном сохранении ощущения первоисточника на стилевом уровне». При этом, подчеркивают исследователи, «Ахматова выбирает такие эпизоды, в которых главными действующими лицами оказываются женщины (хотя в Библии даже главы названы преимущественно по именам мужчин) <...> Сосредоточив внимание на женской душе, Ахматова пытается понять человека другой древней культуры, в то же время подчеркивая сходство женских судеб, независимо от их принадлежности к эпохе, времени, нации, культуре» [Козубовская, 1988, с. 63–64].

Рахиль, Мелхоло, жена Лота – это героини с сильным, стойким характером, «истинно «ахматовские» женщины, цельные и страстные натуры», как замечает Т. А. Самсонова [Самсонова, 2000, с. 294–297]. Бесспорно, они были близки и интересны поэтессе. По словам И. Л. Альми, «Библейские стихи» – это «опыт эпического воплощения глубинно-личностных пластов души автора» [Альми, 1992, с. 5–19], что подтверждает, например, архитектоника цикла.

Если рассматривать библейские образы в танахическом порядке, то их последовательность будет выглядеть следующим образом: сначала следует повествование о Лотовой жене, затем о Рахили, и, наконец, о Мелхале. Ахматова в своём цикле первое стихотворение посвящает Рахили, а затем Лотовой жене, обозначая преемственную связь между тремя текстами одинаковым началом: с сочинительного союза «и» – данной анафорой обеспечивается ритмическое единство цикла, подчеркивается его ориентация на библейскую стилистику.

О. Клинг в этой связи справедливо заметил: «...в стихах с начальными союзами следует видеть важную примету лирики Ахматовой: эта лирика создана по законам, приближающимся к эпическим. Все лирические произведения Ахматовой составляют книгу, которую правомерно также назвать книгой Бытия. И в древней книге, и в новой воссоздается общий ход жизни, прошлое, которое излагается с позиций настоящего, когда до конца известны все трагические исходы и ложные надежды на возрождение» [Клинг, 1992, с. 59–70].

Эпилогом к первому стихотворению «Рахиль», написанному в 1921 году, послужили библейские строки: «И служил Иаков за Рахиль семь лет, и показались они ему за несколько дней, потому что он любил её» [Бытие, 29:20]. Первоначально стихотворение имело заглавие «Из Книги Бытия», которое впоследствии было заменено на «Рахиль». За этой сменой названия очевидна переакцентировка восприятия библейского сюжета. История Иакова и Рахили привлекла внимание Ахматовой именно как любовная история.

Образ Рахиль в стихотворении ретроспективен: поэтесса сосредоточивает внимание на описании поведения героини, делая акценты только на тех ветхозаветных сценах, которые играют значимую роль в изображении ее психологического состояния: это знакомство Иакова и Рахили, соглашение влюбленного юноши с Лаваном, его коварный обман. Рахиль показана в минуты сильнейшего психологического потрясения, она переживает любовную страсть, неожиданно обернувшуюся горем.

Т. В. Игошева видит в чувствах героини внутреннюю драму, соотносимую с переживаниями героинь античных трагедий: «Перед читателем, разворачивается душевная драма оскорбленной женщины, которая и является центральным «событием» стихотворения Ахматовой. В подобном переключении с внешних событий на душевную жизнь в момент ее драматического противостояния внешним и внутренним обстоятельствам чувствуется ориентация как раз на образцы античной драмы» [Игошева, 2000, с. 15–16]. По-библейски сдержанный и торжественный ритм стихотворения прерывается эмоциональным криком Иакова: «Рахиль! Для того, кто во власти твоей, / Семь лет – словно семь ослепительных дней» [Ахматова, 1998, т. VI, с. 69]. Здесь числовой символикой подчеркивается мощь любви Иакова и Рахили, перед которой бессильно время. Во втором стихотворении библейского цикла «Лотова жена», написанном в 1924 году, Ахматова по-своему интерпретирует библейскую сцену исхода семейства Лота из грешного города Содома. Согласно первоисточнику, уходя из него,

нельзя было оборачиваться назад, но жена Лота не справилась с искушением и обернулась, за что и была наказана. Эпиграфом к стихотворению послужило последнее предложение из библейской притчи Ветхого Завета: «жена же Лотова оглянулась позади его, и стала соляным столпом». В Премудростях Соломона соляной столп (греч. *στήλη ἄλος*) при Мёртвом море характеризуется как грозный памятник Божьего гнева.

В самом тексте Ветхого Завета Лотовой жене отведено лишь несколько строк. Ахматова в своем стихотворении воссоздает ее психологический облик во всей полноте, объясняя ее роковой поступок. Согласно библейским заповедям, он ставит под сомнение праведность жены Лота. У Ахматовой же она – праведница, воспитанная в любви и уважении к Богу. Вместе с мужем и детьми она ведёт достойную жизнь, готова с ними покинуть грешный Содом, хотя не может забыть те места, где была счастлива, отречься от сладких воспоминаний о прежней жизни:

Не поздно, ты можешь еще посмотреть
 На красные башни родного Содома,
 На площадь, где пела, на двор, где пряла,
 На окна пустые высокого дома,
 Где милому мужу детей родила [Ахматова, 1998, т. VI, с. 70].

Ахматова сопереживает жене Лота как женщина, видит в её поступке проявление женской сущности, женского взгляда на те атрибуты жизни, которые важны именно для женщины: «площадь, где пела», «двор, где пряла», дом, «где милому мужу детей родила». Анафорические «не, на» подчеркивают нарастающее волнение, материнскую тревогу, возможно, за судьбу оставленных замужних дочерей и их семей.

Таким образом, смысловая переакцентировка в данном случае обусловлена гендерными смещениями. Поэтесса оправдывает свою героиню как женщина женщину. Не случайно Аманда Хейт свидетельствует, что в этом произведении «проскальзывают личные нотки», автобиографические мотивы [Хейт, 1991, с. 287].

В глазах поэтессы, по сути оспаривающей библейскую интерпретацию, Лотова жена – героическая личность, решившаяся нарушить запрет сурового Бога. Автор оправдывает и трагически возвышает ее поступок:

Кто женщину эту оплакивать будет?
 Не меньшей ли мнится она из утрат?
 Лишь сердце мое никогда не забудет
 Отдавшую жизнь за единственный взгляд [Ахматова, 1998, т. VI, с. 70].

Слово «взгляд» стоит здесь в сильной позиции, что соответствует Библии, в которой история Лотовой жены на иврите называется «Вайера». Это глагольная форма «открылся», являющаяся страдательным залогом глагола «увидеть». Так, в стилистических особенностях лирического текста-переложения проявляется принципиально личностный подход Ахматовой в разработке библейского сюжета и образа.

Израильская исследовательница Эстер Сегаль, рассматривая стихотворение А. Ахматовой в свете авторитетных иудейских законов, заметила, что «преступление и наказание» Лотовой жены интерпретируется в библейских комментариях по-разному. В первом случае отмечается, что Лотова жена не соответствовала духовному уровню своего мужа. Когда иноземцы пришли в их дом, она стала ходить по соседям с просьбой о соли, невзначай рассказав о двух незнакомых гостях. Слух о них распространился по всему городу, и к дому Лота пришли жители Содома с просьбой отдать им чужеземцев.

По другим комментариям, Лотова жена описывается как жадная женщина: когда к ней приходили люди просить еды, она выносила им или щепотку соли, или, напротив, несоленую еду. По мнению Э. Сегаль, только четвертый тип комментария соответствует стихотворению Ахматовой. Каббалисты считали, что во время уничтожения Содома сам Господь Бог спустился на землю и ослепил светом весь город. Лотова жена хотела увидеть владыку мира. В Торе сказано, что человек, увидевший Бога, не может остаться в живых. Душа сама выпорхнет из тела при виде Его. Именно это произошло с Лотовой женой. Она обернулась не из простого любопытства, а из-за жажды познания [Сегаль, 2013, URL, <https://www.youtube.com/watch?v=0KFZ2w7pw6E>]. В данном случае можно провести параллель между женой Лота и Евой.

Несомненно, в этих комментариях есть свой, функциональный смысл. Если расценивать поступок героини в духе библейского канона, то, безусловно, она наказана по всем законам Божьим за непослушание, но особенность ахматовской интерпретации в обратном – в оправдании женского чувства любви и верности родному дому.

«Мелхола» – последнее и по времени, и по месту стихотворение из цикла «Библейские стихи». В. Я. Виленкин полагает, что Ахматова, первоначально задумывая его как балладу с драматическим сюжетом (Мелхола спасает своего юного мужа от убийц, подосланных коварным Саулом), в процессе работы пришла к совершенно иному решению [Виленкин, 1991, с. 720]. Если в библейском сюжете Мелхола выступает в роли спасительницы Давида, в стихотворении Ахматовой очевидна перверсия ее образа: Мелхола предстает надменной инферальной красавицей, о чем свидетельствует сравнение с «праматерью Лилит». В этой связи Ю. И. Кудряшова указывает на древнегреческие аллюзии: «Образные ряды Саула и Давида бинарны. Игра Давида на гуслях завершает его аналогию с образом светозарного юноши Аполлона, Бога света, покровителя искусства, играющего на лире. В образе царевны Мелхолы, дочери безумца Саула, подчеркнута принадлежность в «инфернальному миру»» [Кудряшова, 2008, с. 58].

Героиня показана, как всегда у Ахматовой, в самый напряженный момент жизни. Саул хочет отдать ее в жены юному пастуху Давиду. Отцовское решение Мелхола принимает с двойственным чувством: с одной стороны, ее не устраивает неравный брак с бедным Давидом; с другой, он ей сильно желан. Через напряженный монолог Мелхолы передается глубокий внутренний конфликт: борьба страстного чувства с женской гордыней, доходящая до инферальности. Внешне Мелхола очень красива, грациозна, изящна, но ее красота контрастирует с состоянием глубокого душевного смятения. Героиню раздирают противоречивые

чувства: гордыня, стыд, страх, гнев на Давида и в тоже время бесконечная любовь к нему соединяются в тугой клубок сердечных переживаний. В речи Мелхолы короткие взволнованные реплики прерываются паузами, вызванными сильным потрясением и риторически и ритмически выделенными за счет тройного анафорического и синтаксического повтора и внутренней рифмы:

А солнца лучи... а звезды в ночи...

А эта холодная дрожь... [Ахматова, Т. VI, с. 71].

В целом, интерпретация ветхозаветных женских образов в цикле «Библейские стихи» А. А. Ахматовой отличается неканоническим характером, что обусловлено особенностями личностной рецепции библейских источников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Альми, И. Л. О лирических сюжетах Пушкина в стихотворениях Анны Ахматовой / И. Л. Альми // Тайны ремесла. Ахматовские чтения. – Москва, 1992. – С. 5–19.

Ахматова, А. А. Собрание сочинений: в 6 т. (т. 7, 8 – дополнительные) / А. А. Ахматова. – Москва: Художественная литература, 1998. Т. 1. – 457 с.

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – Москва: Российское библейское общество, 2006. – 1376 с.

Бродский, И. Большая книга интервью / И. Бродский. – Москва: Захаров, 2000. – 704 с.

Васильев, С. А. Стихотворение А. А. Ахматовой «Лотова жена»: трансформация ветхозаветного образа / С. А. Васильев, // III Пасхальные чтения. Гуманитарные науки и православная культура. – Москва, 2005. – С. 143–146.

Воспоминания об Анне Ахматовой / Составители В. Я. Виленкин и В. А. Черных. – Москва: Советский писатель, 1991. – 720 с.

Игошева, Т. В. Драматическая коллизия в стихотворении Анны Ахматовой «Рахиль» / Т. В. Игошева // Вестник Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. Сер. «Гуманитарные науки: история, литературоведение, языкознание». – Великий Новгород, 2000. – С. 51–57.

Козубовская, Г. П. Восточные переводы А. Ахматовой / Г. П. Козубовская, Е. В. Мальшева // Культура и текст. – 1998. – № 3. – С. 62–77.

Самсонова, Т. А. Евангельские образы в «Библейских стихах» Анны Ахматовой / Т. А. Самсонова // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. Педагогика и психология. Филология и искусствоведение. – 2008. – № 1. – С. 294–297.

Сегаль, Э. Книга книг: преломление в искусстве. Часть первая – «Библейский цикл» А. А. Ахматова / Э. Сегаль. – URL: <http://www.youtube.com>. (19.02.2016).

Снигирёва, Т. А. От согласия – к спору: библейский эпитаф в русской литературе XIX–XX веков / А. В. Подчиненов, Т. А. Снегирёва // А. А. Ахматова: русская и национальная литература: Издательский дом Лусабац, 2019. – С. 106–111.

Клинг, О. А. Своеобразие эпического в лирике А. А. Ахматовой / О. А. Клинг // Царственное слово. Ахматовские чтения. Выпуск 1. – Москва, 1992. – С. 59–70.

Кудряшова, Ю. И. Семантика «Библейских стихов» как цикла // Мировая литература в контексте культуры. Выпуск 3. – Пермь, 2008 – С. 57–60.

Хейт, А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие / Пер. с англ. Дневники, воспоминания, письма А. Ахматовой / Предисл. и пер. А. Наймана; коммент. В. Черных и др. Москва, 1991. – 287 с.

REFERENCES

Al'mi, I. L. O liricheskikh syuzhetah Pushkina v stihotvoreniyah Anny Ahmatovoj / I. L. Al'mi // Tajny remesla. Ahmatovskie chteniya. – Moskva, 1992. – S. 5–19.

Akhmatova, A. A. Sobraniye sochineniy: v 6 t. (t. 7, 8 – dopolnitel'nyye) / A. A. Akhmatova – Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1998. T. 1. – 457 s.

Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta. – Moskva: Rossiyskoye bibleyskoye obshchestvo, 2006. – 1376 s.

Brodskiy, I. Bol'shaya kniga interv'yuy / I. Brodskiy. – Moskva: Zakharov, 2000. – 704 s.

Igosheva, T. V. Dramaticheskaya kolliziya v stikhotvorenii Anny Akhmatovoy «Rakhil'» / T. V. Igoshva // Vestnik Novgorodskogo gos. un-ta im. Yaroslava Mudrogo. Ser. «Gumanitarnyye nauki: istoriya, literaturovedeniye, yazykoznanie». – Velikiy Novgorod, 2000. – S. 51–57. – URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/igosheva-dramaticheskaya> (18.02.2016).

Kozubovskaya, G. P. Vostochnyye perevody A. Ahmatovoj / G. P. Kozubovskaya, E. V. Malysheva // Kul'tura i tekst. – 1998. – № 3. – S. 62–77.

Samsonova, T. A. Yevangel'skiye obrazy v «Bibleyskikh stikhakh» Anny Akhmatovoy / T. A. Samsonova // Izv. Samar. nauch. tsentra Ros. akad. nauk. Pedagogika i psikhologiya. Filologiya i iskusstvovedeniye. – 2008. – № 1. – S. 294–297.

Segal', E. Kniga knig: prelomleniye v iskusstve. Chast' pervaya – «Bibleyskiy tsikl» A. A. Akhmatova. – URL: <http://www.youtube.com>. (19.02.2016).

Kheyт, А. Анна Ахматова. Poeticheskoye stranstviye. / Per.s angl. Dnevniky, vospominaniya, pis'ma A. Akhmatovoy / Predisl. i per. A. Naymana; komment. V. Chernykh i dr. / A. Kheyт. – Moskva, 1991. – 287 s.

Kling, O. A. Svoyeobraziye epicheskogo v lirike A. A. Akhmatovoy / O. A. Kling // Tsarstvennoye slovo. Akhmatovskiye chteniya. Vypusk 1. – Moskva, 1992. – S. 59–70.

Kudryashova, YU. I. Semantika «Bibleyskikh stikhov» kak tsikla / YU. I. Kudryashova // Mirovaya literatura v kontekste kul'tury. Vyp. 3. – Perm', 2008 – S. 57–60.

Vasil'yev, S. A. Stikhotvoreniye A. A. Akhmatovoy «Lotova zhenay»: transformatsiya vetkhozavetnogo obraza / S. A. Vasil'yev // III Paskhal'nyye chteniya. Gumanitarnyye nauki i pravoslavnaya kul'tura. – Moskva, 2005. – S. 143–146.

Vospominaniya ob Anne Akhmatovoy / Sostaviteli V. YA. Vilenkin i V. A. Chernykh. Kommentarii A. V. Kurt i K. M. Polivanova. – Moskva: Sovetskiy pisatel', 1991. – 720 s.